

RU

Ситуативно-речевая характеристика некомпетентности в российском коммуникативном пространстве

Гартунг С. Р.

Аннотация. Цель исследования - описание содержания и основных признаков категории «Некомпетентность», функционирующей в различных видах дискурса в российском коммуникативном пространстве. Научная новизна исследования заключается в выявлении механизма реализации категории, приводящего к модификации коммуникативного акта и к изменению его ситуативных параметров. В результате даны характеристики ролей, интенций, целей и референциальных установок говорящих со статусом авторитетного и некомпетентного участника. Рассмотрены способы преодоления коммуникативных барьеров и средства нормализации конфликтных речевых практик оппонентами. Представлены динамические модели ситуации, объективирующей категорию некомпетентности.

EN

Situational Speech Characteristics of Incompetence in the Russian Communicative Space

Gartung S. R.

Abstract. The aim of the research is to describe the content and main features of the category of Incompetence, which functions in various types of discourse in the Russian communicative space. The scientific originality of the research lies in the identification of the mechanism for the realization of the category, leading to the modification of the communicative act and to a change in its situational parameters. As a result, the characteristics of the roles, intentions, goals and referential attitudes of speakers with the status of an authoritative and incompetent participant are given. The ways of overcoming communication barriers and the means of normalizing conflict speech practices by opponents are considered. The dynamic models of the situation objectifying the category of incompetence are presented.

Введение

Актуальность исследования обусловлена самим бытием человека и его лингвокогнитивной деятельностью, которая находит свое отражение в различных категориях. Одними из универсальных категорий являются категории компетентности/некомпетентности. Именно они, сопрягаясь с социокультурными механизмами адаптивности и успешности, включая и механизмы эффективной коммуникации, актуализируются при наличии запроса на профессионализм в различных сферах общества. Компетентность при этом остается дискурсивно нейтральной, некомпетентность же становится причиной коммуникативных сбоев и маркирует конфликтные речевые практики. Представляется важным выделить характеристику некомпетентности в коммуникативном пространстве. Задачами исследования стали: рассмотрение признаков категории *Некомпетентность* и уточнение структуры речевой ситуации, характеризующей некомпетентностью ее участников или участника.

Методами исследования для анализа речевых ситуаций стали дискурс-анализ и последующее моделирование, что позволило выявить определенные типы ситуаций с присущими им моделями развития. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области речевых ситуаций (Р. Якобсон, Н. И. Формановская, О. С. Иссерс), а также некомпетентности (Дж. Равен, Ю. Хабермас).

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты, описанные в статье, могут быть применены в теории коммуникации, а также в спецкурсах по эффективному речевому поведению.

Основная часть

На данном этапе развития нашего общества основными ценностями являются мобильность, динамика, информация и коммуникация. Природа, механизмы и сущность коммуникации привлекали внимание

исследователей с 40-х годов XX в. Уже к середине XX в. в научном мире насчитывалось около сотни определенных коммуникации и множество разнообразных её моделей. Одной из первых была техническая модель коммуникации Шеннона-Уивера (Shannon, Weaver, 1949), взятая впоследствии Р. О. Якобсоном за основу (1975). Теория коммуникации активно разрабатывалась как в зарубежной, так и в отечественной традиции, явив широко используемые классические модели коммуникации (Почепцов, 2001; Вех, 1998). С приходом новых видов взаимодействия создавались новые теории и модели (Бергельсон, 2002; Лотман, 1998). Исследовались формы, сферы, функции коммуникации. Особое внимание уделялось речевым стратегиям и тактикам (Иссерс, 2008). Именно исследование рече-порождающей деятельности выявляет когнитивные установки, определяющие формирование текстовой компоненты дискурса, и дискурсивные условия, обеспечивающие их реализацию (Кубрякова, 2004).

Обратимся к описанию значения категории и выделению сигнификата соответствующего ей междисциплинарного термина. Так, Дж. Равен, изучавший некомпетентность с позиций психологической теории, определяет ее как несформированность мотивации, способностей и личных ценностей (Raven, 1984). В социологии и менеджменте она понимается как неразвитость позитивных личностных характеристик (мотивов, черт характера, образа/роли и знаний) и того, как человек ведет себя (навыки) (Young, Dulewicz, 2005); в отечественной социологии некомпетентность соотносится с принятием неэффективных решений (Белицкая, 1995). В педагогике – это неосвоение комплекса знаний, умений и навыков учащимися (Гребенюк, 2008; Зимняя, 2013). Среди основных черт также называются недостаток способностей, квалификации, полномочий (Ожегов, 2009; Ушаков, 2008) и невладение социокультурными нормами коммуникации (Литвиненко, Старченко, 2019). Комплексное изучение компонентов значения категории *Некомпетентность*, проведенное с учетом ее ситуативно-речевой реализации (Гартунг, 2020), позволяет отнести к ее базовым признакам неимения необходимых знаний и опыта, а также навыков, способов и средств их оптимальной знаковой репрезентации.

Исследование языкового материала, полученного при анализе национального корпуса русского языка, интернет-форумов и иных источников, продемонстрировало, что наибольшее количество примеров кодификации данной категории относится к сфере профессионального дискурса. Подходя к вопросу о модификации речевой ситуации, сопряженной с категорией некомпетентности, обратимся к примерам из веба, где помимо компьютерно-опосредованной коммуникации, нами были обнаружены и ситуации из устного дискурса.

Рассмотрим диалогическую ситуацию из шоу Максима Галкина «Музыкалити», в котором встречаются музыканты разных поколений и оценивают новые хиты молодых артистов. Гостями анализируемого выпуска были 65-летняя звезда российской эстрады и джазовая певица Лариса Долина и 19-летняя начинающая исполнительница Валя Карнавал. Л. Долина негативно оценивает творчество молодой артистки, ставит ей в вину незнание знаковых певцов, упрекает в отсутствии образования. И хотя в своей критике Долина избегает прямых номинаций, связанных с отсутствием профессиональных знаний, умений и навыков у оппонента, её высказывания пронизывает мысль о некомпетентности В. Карнавал.

Приведём выдержки из шоу (цитаты по: шоу «Музыкалити» на YouTube-канале).

«Л. Долина (Л. Д.): Вы хоть волнуетесь перед выходом на сцену?

В. Карнавал (В. К.): Нет, я вообще не волнуюсь, никогда не переживаю.

Л. Д.: Артист, который не волнуется, – это не артист. Настоящий артист всегда нервничает перед выступлением».

Адресант указывает на отсутствие качеств, присущих, по его мнению, настоящему артисту, что расценивается как непрофессионализм, некомпетентность. Причем критерием некомпетентности в декларативной форме объявляются не знания и умения, предполагаемые специальностью, а эмоциональное состояние перед выступлением (*волнение*), играющее в данном случае факультативную роль.

«Л. Д.: У вас есть образование?

В. К.: Нет, но хотелось бы получить. Так, для себя. Но пока я буду учиться, меня все забудут. А у меня 14 миллионов подписчиков. Я просто хочу петь так, как мне нравится.

Л. Д.: У нас на кафедре отбор строгий. Кандидат должен хорошо петь. А количество подписчиков вообще не имеет значения. У вас есть данные, но учиться надо, чтобы управлять своим голосом – он пока вам не подчиняется. Это я как человек с опытом говорю».

В этих репликах адресант актуализирует ряд базовых категориальных признаков некомпетентности: отсутствие профильного образования и, таким образом, умений и навыков, действительно важных для компетентного специалиста. При этом Л. Долина подчёркивает свой статус эксперта, свой авторитет, упоминая о работе в вузе со строгими требованиями отбора и о наличии профессионального опыта. В. Карнавал выбирает тактику обесценивания длительной специальной подготовки и выдвигает свои критерии успешной самореализации («у меня 14 миллионов подписчиков»). В итоге возникает противоречие между двумя видами ценностей, к которым апеллируют коммуниканты. Для Л. Долиной – это качественные характеристики деятельности, а для В. Карнавал – ее количественные атрибуты.

«Л. Д.: Ты ничего не знаешь и ничего не умеешь, а называешь себя звездой! Человек, не умеющий петь, должен делать это дома, для своих на кухне! Есть профессия певца. Певец должен петь чисто, по крайней мере. Вот ты сейчас спела эту очень простую распевку и вообще ни в одну ноту не попала. Это для меня какой-то паноптикум. Разговоры с девушкой, которая ничего не знает о музыке, говорит, что она уже звезда, не зная ни одной ноты, и еще спорит, и доказывает. Я не хочу, чтобы ты меня понимала, я хочу, чтобы ты приняла то, что я говорю. Что образование важно, поверь мне. Здесь одна правда: либо ты хорошо поёшь, либо ты не поёшь вовсе.

В. К.: Вам не нужно так резко реагировать на работу начинающих артистов».

В завершении диалога Л. Долина вновь указывает на отсутствие знаний и опыта, считая свою точку зрения единственно верной и, в целом, нарушает коммуникативные принципы кооперации и вежливости, заявляя, что Карнавал – не настоящая артистка, некомпетентная певица, не умеющая петь и не желающая учиться (<https://www.youtube.com/watch?v=eSVzljey0PI&t=1s>).

К сказанному следует добавить, что в ходе диалога речевое поведение коммуникантов менялось. Так, Л. Долина изначально обращается к В. Карнавал на «вы», однако далее в её словах всё больше несдержанности и агрессии, и в конце концов она переходит на «ты». Первоначальная интенция её тоже меняется – желание дать совет, помочь и поделиться опытом уступает желанию доказать свою правоту: «Я не хочу, чтобы ты меня понимала, я хочу, чтобы ты приняла то, что я говорю». Намёки на недостаток квалификации сменились оскорблениями: от «У тебя есть данные» до «Ты ничего не знаешь и ничего не умеешь, а называешь себя звездой!». В. Карнавал изначально была сдержаннее и вежливее, но в ходе беседы её ответы стали неуважительными и, по существу, хамскими.

Карнавал с самого начала заняла позицию отрицания любых предложений и утверждений оппонента. Слова Л. Долиной о некомпетентности юной артистки были встречены несогласием и сменой темы, очевидно, что В. Карнавал не понимала, в чём её обвиняют. В свою очередь звезда российской эстрады не смогла выработать нужную стратегию, чтобы доказать правильность своих взглядов – её сообщения неизменно наталкивались на социокультурный и возрастной барьеры. Для исполнительниц понятия профессионализма и компетентности имели совершенно разные значения. Л. Долина акцентировала внимание на образованности певца, его развитом голосе, специальных навыках, приобретаемых с помощью опытных наставников (приводит в пример своих учеников и их профессионализм). Для В. Карнавал компетентность измеряется в других единицах: в известности, подписчиках и фанатах, в прибыли от концертов, что обесценивает в её глазах необходимость получения профессиональной подготовки (упоминает, что уже знаменита в Интернете). С её точки зрения, Л. Долина не соответствует образу звезды и, следовательно, образу компетентной артистки – она волнуется перед выступлениями, нуждается в занятиях и не имеет большого количества фанатов среди представителей молодого поколения. Иными словами, каждый из коммуникантов строит диалог, исходя из своих представлений о некомпетентности и наборе ее категориальных признаков.

Помимо этого, говорящие по-разному распределяют свои роли и позиции в диалоге. Л. Долина выступает инициатором общения, она старается доминировать, задавая вопросы оппоненту, критикуя его, и, в целом, использует свой статус авторитетного говорящего как фактор влияния на принимаемые решения. В сложившейся структуре речевой ситуации В. Карнавал достаётся роль некомпетентного участника, который, однако, не принимает критику, чем провоцирует оппонента на продолжение дискуссии и делает невозможным достижение договоренности.

Рассмотренный диалог позволяет построить модель речевой ситуации, репрезентирующей категорию *Некомпетентность*. Базовые элементы ее структуры были взяты из классических моделей коммуникации Ю. Хабермаса (Habermas, 1987) и Р. Якобсона (1985) и дополнены в соответствии с целью, содержанием сообщений и параметрами контекста.

В случае с приведённым примером целью коммуникатора были критика (указание на нехватку опыта, навыков, отсутствие знаний) и совет/рекомендация (получить образование), однако реципиент, понимая содержание и цель дискуссии, не принял (предложение не осуждать, несогласие с критикой) и в некоторых случаях исказил суть высказываний.

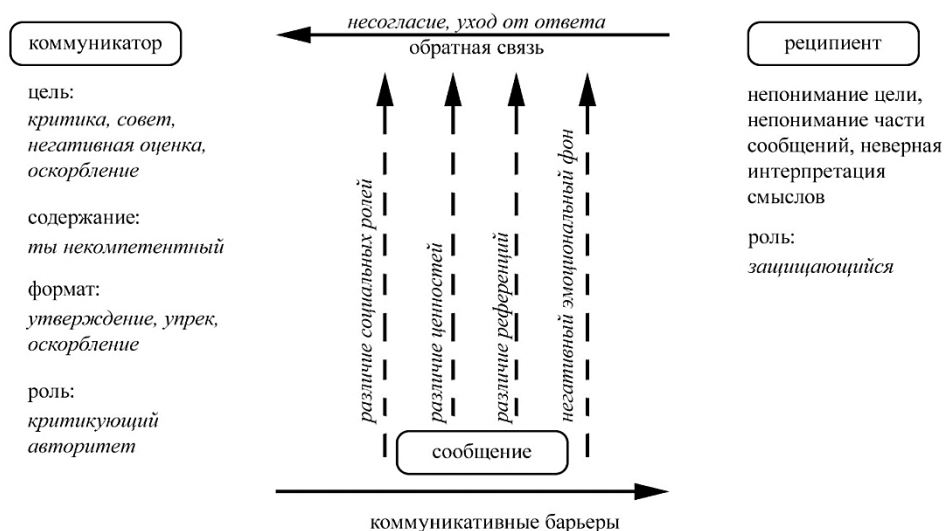

Рисунок 1. Циклическая модель коммуникативной ситуации, репрезентирующей категорию «Некомпетентность»

Данная схема (Рис. 1) отражает круговой, циклический характер коммуникации, так как ни роли, ни интенции участников ситуации в ней не меняются, повторяясь виток за витком.

Обоюдная некомпетентность коммуникантов определила выбор кода передачи и получения информации, который не соответствовал ситуации общения, спровоцировав неадекватную интерпретацию высказывания (появление «иных» смыслов). Коммуникативная неудача произошла по причине несовпадения социокультурных ролей, негативного эмоционального фона говорящих и неспособности настроиться на дискурсивный мир оппонента, ориентированный на иной набор категориальных признаков *Некомпетентности*.

Рассмотрим далее пример из компьютерно-опосредованной коммуникации – разговор двух женщин на форуме молодых мам. Коммуниканты не знакомы друг с другом лично, кроме того, диалог происходит в интернет-пространстве, что даёт им больше времени на формирование высказывания и допускает ответы с задержкой.

В данном случае статус коммуникантов равнозначен, целью сообщения было уточнение имеющейся фактологической информации, не подразумевающей критики или оскорблений. Тем не менее, риторический вопрос и данный на него самим коммуникантом ответ-комментарий очень быстро сменяются серией крайне экспрессивных высказываний, формирующих образ некомпетентного собеседника.

«Г1: Слышали, что посольство США прекращает выдачу виз и рекомендует американцам покинуть Россию? Теперь-то визу никому не получить...»

Г2: Вы меня постарше, но как-то странно не помните, как в 2001 году консульства США в России долго всем ставили отказы в визах. Практически всем! 99% заявлений отказы!

Г1: Откуда такое? Мне кажется, это какое-то когнитивное искажение.

Г2: Я абсолютно уверена, потому что работала в организации, близкой к консульству. И знаю ситуацию абсолютно достоверно из первых рук. Поэтому не обольщайтесь по поводу того, что мы бы жили счастливо, если бы не Крым.

Г1: Вы не можете знать её “из первых рук”, потому что распространение таких данных запрещено. Может быть, отказ 99% ваших знакомых, что говорит о составе ваших знакомых. Знаете, “сидельцам” дают неохотно, бывают отказы из-за недостоверных сведений и т.д.

Г2: Я валяюсь! Люди сами распространяли эту информацию, на всех форумах, когда одному за другим стали отказывать в визе. И пытались понять, что делать и как друг другу помочь. Это была общая беда, ровно как и сейчас с этой пандемией. Вы некомпетентны и, не зная, спорите. Еще и гадкие предположения делаете. Стыдитесь» (<https://www.u-mama.ru/forum/gossip/news/893046/9.html>).

На этом разговор заканчивается, коммуниканты оказались в ситуации коммуникативной неудачи и эмоциональной фрустрации, поскольку вместо обмена знаниями диалог завершился взаимной обидой и оскорблениями. В отличие от приведённого ранее примера, здесь содержание категории *Некомпетентность* раскрывается в высказываниях адресата, в обратной связи, а не в высказывании коммуникатора. На уточняющий вопрос («Откуда такое?») реципиент отвечает агрессией, защищая своё достоинство, неправильно истолковав интенцию адресанта, решив, что его упрекают в некомпетентности («Я абсолютно уверена, знаю достоверно»). В ответ коммуникатор действительно упрекает оппонента в некомпетентности («Вы не можете знать»), фокусируясь на отсутствии знаний либо на их недостоверности. Адресат, на этот раз уловив цель высказывания верно, выдвигает встречное оскорбление («Вы некомпетентны и, не зная, спорите») также с упором на отсутствие знаний.

Отобразим схематично приведённый диалог (Рис. 2).

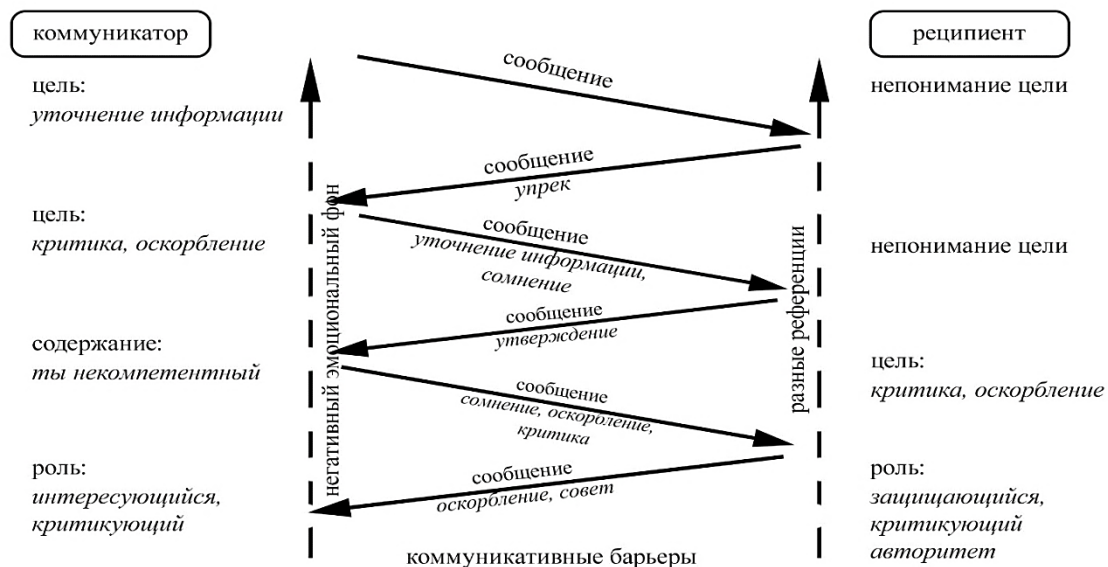

Рисунок 2. Конечная модель коммуникативной ситуации, репрезентирующей категорию «Некомпетентность»

Данная схема не циклична – интенции участников меняются с каждым новым высказыванием. Кроме того, барьеров здесь меньше, но они сильно искажают цели высказываний. Реципиент сам выбирает роль авторитета («Я абсолютно уверена») и на этом основании порождает критичное высказывание с пропозицией «ты некомпетентный», кроме того, даёт не столько совет, сколько директиву («Стыдитесь»).

Коммуникативная неудача произошла в данном примере не только из-за появления «иных» смыслов (у коммуникантов схожее понимание компетентности – наличие знаний и информации, однако адресант считает компетентными только достоверные сведения, а адресат принимает любую общую информацию за достоверную («Люди сами распространяли эту информацию»)), но и из-за неспособности понять цель высказывания и негативного фона. Другими словами, мы можем сказать, что оба говорящих коммуникативно некомпетентны.

Рассмотрим далее пример монологического высказывания представителя инициативной группы «Культурный фронт» Сергея Матлина. По сути своей это скрытый диалог, основанный на пресуппозиции «администрация города некомпетентна». С. Матлин выразил недовольство по поводу установки фотозон в виде миниатюр памятников Великой Отечественной войны к празднованию Дня Победы в интервью корреспонденту газеты.

«Сама по себе визуализация Дня Победы в виде картонных штук – это неуместно. Торговля, фотозоны – это всё карнавализация. Но мы же всё-таки о Победе говорим... Как по мне, так это всё демонстрирует некомпетентность вышестоящих органов. Возникает вопрос: зачем это поставили? Чтобы люди знали, что есть такие памятники? Когда ты видишь миниатюру, это так не работает, это не сравнится с настоящими памятниками. Этим фигурам не место на Спортивной набережной на фоне музыкального фонтана, кочующих с мероприятия на мероприятия ярмарочных домиков и торговых палаток с фастфудом» (<https://www.newsvl.ru/vlad/2021/05/08/199259/>).

Говорящий аргументирует некомпетентность администрации тем, что декорация города миниатюрами, установленными рядом с торговыми палатками, не отражает символического значения и масштабов праздника, что миниатюры лишены смысла, и цель их монтажа простым горожанам будет не ясна. Также говорящий добавляет, что эта работа носит имитативный характер (*это так не работает, это не сравнится с настоящими памятниками, картонные штуки, карнавализация*). Коммуникатор всячески демонстрирует непрофессионализм администрации и свое критическое отношение к ней.

В данном высказывании категория некомпетентности выражена прямой номинацией (*демонстрирует некомпетентность*). Непосредственного обращения ни к читателям, ни к референту нет, однако само высказывание строится так, что каждый прочитавший полемические слова автора может соотнести себя с его коллективным адресатом. В понимании С. Матлина некомпетентность заключается не только в неуважении к памятным событиям и принижении величия памятников Победы, но и в пренебрежении мнением горожан, а также правилами композиции и художественного вкуса. Ещё один компонент категории, указанный выше, – это формальность работы, «показуха», лишенная истинного содержания.

Читательские мнения разделись: некоторые поддерживали С. Матлина, другие критиковали его и защищали инициативу администрации. Это, как и в представленных ранее примерах, может быть обусловлено различиями в содержании категории *Некомпетентность* в картине мира коммуникантов. Так, горожане, причисляющие неуважение и коммерциализацию к некомпетентности, указывали на правоту активиста в комментариях к публикации: «обесценивание победы как исторического события», «ну завершите как-то проект, а то, что к чему», «все для галочки, позор», «коверкать великие символы памяти, уродуя и принижая величие этих монументов».

Мы видим, что компонент формальности возмутил многих, за подобное отсутствие профессионализма администрация подверглась резкой критике. Однако чаще читатели критиковали самого говорящего, выражая своё несогласие с его словами: «достойно оформили», «всё работает, Серёжа, ты не прав», «с какого его мнение стало важно?!». Любопытно, что некоторые реципиенты, выступая против позиции говорящего, вспоминали его неудачные решения: «Как вы делаете, мы уже видели, поэтому, Сергей, завидуйте молча!», «вам лишь бы критиковать», «Смешно. Сергей как раз и страдает отсутствием вкуса... Под его руководством молодежный центр развалился, в отличие от прежней управляющей, Елены Котовой. Постоянно приходит туда, где уже все сделано. Сам ничего не способен сделать, на готовое приходит. А тут с какой-то радости его мнение кому-то интересно?!».

Иными словами, читатели не воспринимают высказывания о некомпетентности в случае, если говорящий сам, по их мнению, некомпетентный человек. Здесь также видна разница в составляющих категории: *незнание, неумение против неуважения*.

Изобразим в виде схемы данное монологическое высказывание и реакции на него (Рис. 3).

Как и предыдущая, данная схема не циклична, имеет два варианта обратной связи с разными интенциями реципиентов, при одной ключевой пропозиции коммуникатора. Барьер в данном случае лишь один – различные референции (фрагменты картин мира, формирующие категорию *Некомпетентность*), – и влияет он не на всех участников ситуации. Реципиенты выбирают роли в зависимости от понимания категории, коммуникатор изначально занимает позицию авторитета («Как по мне») и на этом основании порождает критичное высказывание с пропозицией «они некомпетентны», даёт негативную оценку происходящему (*неуместно; карнавализация; не работа*). Говорящий открыто не призывает в своём высказывании к диалогу, но получает обратную связь.

Говорить о коммуникативной неудаче в приведённом примере можно только со стороны реципиентов, которые не согласны с пропозицией коммуникатора из-за различных смыслов, атрибутированных категорий. С соглашающимися же реципиентами коммуникативная ситуация вполне успешна.

Как видим, во всех приведённых случаях некомпетентность меняет структуру базисной модели коммуникации: сохраняя ключевые элементы (коммуникатор, реципиент, сообщение), добавляет коммуникативные барьеры, интенции, роли и принимает одну из представленных нами форм или же совмещает их. Некомпетентность может влиять на коммуникацию как адресанта, так и адресата. Более того, категория может проявиться уже

в ходе речевой ситуации, как реакция одного из участников, хотя изначально ни один из них к ней не обращался. Отметим также, что решающую позицию в подобных ситуациях всегда занимает авторитетный участник – именно он проецирует категорию в коммуникацию.

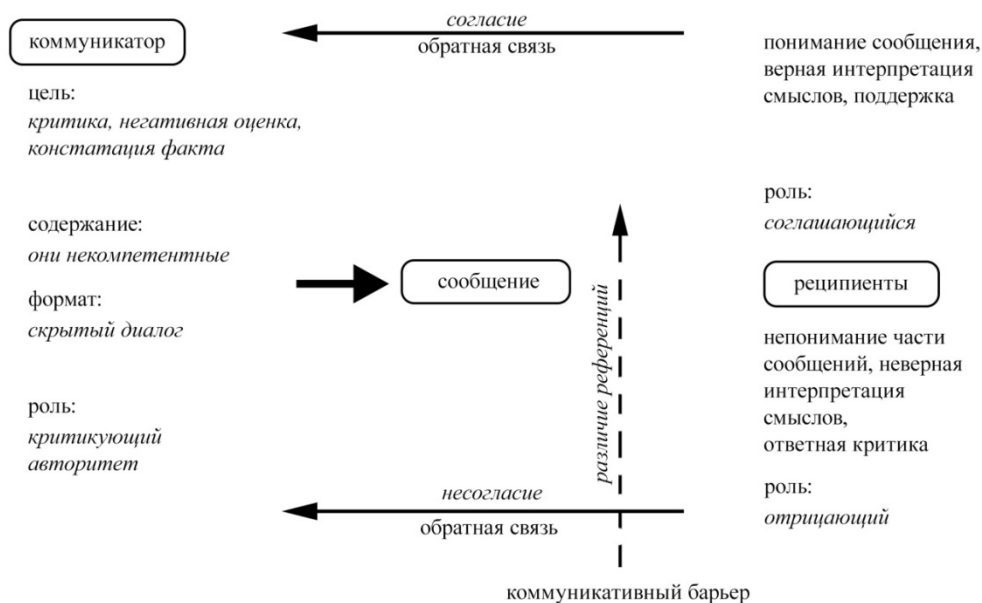

Рисунок 3. Раздвоенная модель коммуникативной ситуации, репрезентирующей категорию «Некомпетентность»

Анализ примеров показал, что исследуемая категория встречается в широком дискурсивном поле и выражается большим количеством языковых единиц. Отметим, что наиболее частотны коллокации, усиливающие отрицательную семантику категории. Характерную градуальность обеспечивают оценочные имена, квантификаторы, квантитативные прилагательные и наречия. Помимо этого, нередко коммуникативные ситуации с использованием сниженной лексики, разговорных конструкций, просторечий, экспрессивного синтаксиса и эмотивной лексики, а сочетание с характеризующими единицами со значением интенсивности качества демонстрирует возможность параметризации понятия.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: функциональное выражение категории различно в дискурсах – в первичных это лишь оценочная функция, во вторичных она выполняет и дескриптивно-характеризующую, и инвективную функции. Помимо этого, коммуникативные ситуации в большинстве случаев заканчиваются коммуникативной неудачей по ряду причин: несовпадения социокультурных ролей, негативного эмоционального фона говорящих, неспособности понять цель высказывания и настроиться на дискурсивный мир оппонента, ориентированный на иной набор категориальных признаков *Некомпетентности*.

Проведённое исследование способствует более глубокому пониманию как содержания категории, так и её роли в коммуникации. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении репрезентации категории в других коммуникативных пространствах, фокусировке на отдельных типах дискурса и возможных способах преодоления коммуникативных барьеров.

Источники | References

1. Белицкая Г. Э. Социальная компетентность личности // Сознание личности в кризисном обществе / под ред. А. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского. М.: Педагогика, 1995.
2. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1.
3. Гартунг С. Р. Ситуативно-речевая репрезентация некомпетентности в русском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK320.pdf>
4. Гребенюк Т. Б. Методологические основы компетентностного подхода в образовании // Проблемы компетентностного подхода в среднем и высшем образовании: сб. науч. тр. / под ред. Т. Б. Гребенюк. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
5. Зимняя И. А. Компетентность и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4 (4).

6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Литвиненко Т. Е., Старченко Т. Е. Видеоурок в поликультурном коммуникативном пространстве (на материале видеоуроков РКИ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 1.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2009.
11. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001.
12. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2008.
13. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
14. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / сокр. перев. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей. М., 1975.
15. Bex T. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction: in 2 vol. / ed. by Teun A. van Dijk. L.: Sage, 1997. Vol. 1: Discourse as Structure and Process. xii+356 p. ISBN 0 8039 7845 6; Vol. 2: Discourse as Social Interaction. xii+324 p. ISBN 0 8039 7847 2 // Language and Literature. 1998. Vol. 7. № 2. DOI: 10.1177/096394709800700206
16. Habermas J. The theory of communicative action. L.: Polity Press, 1987. Vol. 2.
17. Raven J. Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Release. Oxford: Oxford Psychologists Press, 1984.
18. Shannon C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1949.
19. Young M., Dulewicz V. A model of command, leadership and management competency in the British Royal Navy // Leadership & Organization Development Journal. 2005. Vol. 26. Issue 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/235316448_A_model_of_command_leadership_and_management_competency_in_the_British_Royal_Navy

Информация об авторах | Author information

Гартунг Стелла Рудольфовна¹

¹ Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского, г. Владивосток

Gartung Stella Rudolfovna¹

¹ Maritime State University named aft. Adm. Nevelskoy, Vladivostok

¹ gartung_sr@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): категория; коммуникативная ситуация; коммуникативная модель; конфликтные речевые практики; некомпетентность; category; communicative situation; communication model; conflicting speech practices; incompetence.